

ГЕОРГИЙ ЦАГОЛОВ

ЧТО УСКОРИЛО ШАГ “СЛОНА”?

Если символ России – медведь, а Китая – дракон, то Индии – слон. По пути реформ “слон” пошел, как и “медведь”, двадцать лет назад. Только вот результаты разные. По основным экономическим показателям мы все еще догоняем самих себя образца 1990 года. А индийский “слон”, успешно проведя модернизацию, стал второй после “дракона” быстрорастущей экономикой мира. Что же ускорило шаг “слона”?

Версии

Среди объяснений этого нередко фигурирует факт, что Индия является родиной шахмат. Поверье гласит: открывший за тысячу лет до новой эры математическое действие возведения в степень человек по имени Сисса изобрел шахматы для того, чтобы король осознал, чего он стоит без поддержки своих подданных. Игра понравилась, и повелитель предложил изобретателю самому подумать о награде. Мудрец ответил: “Положим на первую клетку шахматной доски зерно пшена, на вторую два, на третью четыре и так далее. И дайте мне столько зерна, сколько получится при заполнении всех 64 клеток”. Правитель приказал казначею исполнить просьбу, полагая, что речь идет о 2–3 мешках. Однако по начавшимся расчетам выяснилось, что расплатиться нельзя. Решил взять реванш, король велел каверзному математику самому пересчитать каждое зернышко, чтобы не было сомнений в том, что он получил сполна. При отсутствии компьютеров Сиссе не хватило бы жизни, чтобы справиться с этой задачей. Склонность индийцев к математике и стала якобы особым преимуществом в эпоху расцвета информационных технологий.

Отдавая дань природному дару наследников древней цивилизации, заметим все же, что ее представители за исключением нынешнего гроссмейстера Виши Ананда никогда не значились среди чемпионов мира по шахматам. Да и удельный вес компьютерных технологий в мировой экономике пока еще не так велик по сравнению с рынками нефти, газа, металла или автомобилей.

К числу факторов “экономического чуда” относят и хороший английский язык, доставшийся индийцам в результате двух столетий колониального владычества англичан. Спору нет, при выполнении множатся зарубежных заказов во времена глобализации это обстоятельство играет свою роль. Но не настолько, чтобы вызывать такие опережающие других темпы роста.

Стремительно увеличивающиеся людские ресурсы страны, приближающиеся ныне к 1,2 миллиарда человек, также называются среди слагаемых успеха. И в самом деле, прирост составляют 8% в год. Каждые пять недель

в Индии “рождается” новый Сингапур, а каждые восемь месяцев – новая Австралия. Но аналогичная динамика наблюдалась и раньше, не приводя к нынешним результатам. Более того, она создает проблемы, о которых скажем позже.

Однако наиболее распространенной версией форсированных темпов индийского роста служит тезис о состоявшемся за годы реформ переходе от социализма к капитализму. Но был ли когда-либо в Индии социализм в его классическом понимании? И если сейчас там капитализм, то почему он так выделяется среди других рыночных моделей? Чтобы ответить на эти вопросы, следует внимательно присмотреться к недавнему прошлому Индии.

Что строил Неру

После обретения Индией независимости в 1947 г. её первый премьер-министр Джавахарлал Неру провозгласил политику неприсоединения к двум соперничающим на мировой арене военно-политическим блокам, а в экономике пошел по антикапиталистическому пути, следуя примеру СССР. “Только с помощью планового социалистического подхода можно достичь непрерывного прогресса”, – говорил он, принимая активное участие в составлении и претворении в жизнь первых трех “пятилеток”.

Но Неру не был социалистом в советском и марксистском понимании и считал, что для Индии неприемлемы ни капиталистическая система Запада с её неравенством и безудержной погоней за прибылью, ни “тоталитарный” режим Советского Союза. Он ратовал за синтез всего рационального в обеих формациях и был сторонником особого пути развития.

Лидер Индийского национального конгресса (ИНК) выступал за смешанное общество, регулируемое государством. Вслед за своим кумиром и духовным лидером нации Махатмой Ганди он выступал против раздирающих страну религиозных распрей и кастового неравенства, усматривая дорогу в будущее не через классовую борьбу, а компромисс и конвергентную экономику. При этом конечной целью провозглашалось создание “общества социалистического образца”.

За эти вольности руководство КПСС не признавало Индию страной “социалистической ориентации”, относило её к “третьему миру”. Помощь со стороны Советского Союза, хоть и играла немалую роль, была дозированной. По нашему примеру Неру делал упор на тяжелую промышленность, затевая масштабные стройки. Им создавались гигантские плотины, крупные сталелитейные и машиностроительные заводы, окрещенные “храмами новой Индии”.

Вместе с преимуществами избранной экономической модели с годами выявлялись и негативные стороны. Разрастался бюрократический госсектор с его коррумпированностью и помехами, чинимыми частному капиталу, как иностранному, так и национальному. Гора лицензий и регламентаций усложняла получение разрешений на открытие предприятий или строительство. И хотя темпы роста в среднем составляли 3,5%, что существенно превышало показатель периода британского колониального владычества (1,3%), массовая и вопиющая бедность в стране продолжалась.

Когда Япония, а затем и “азиатские тигры” – Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур – ускоренно модернизировались, необходимость серьезных перемен в Индии стала осознаваться более определенно. Дочь Неру – Индира Ганди – взявшая в свои руки штурвал через некоторое время после смерти отца в 1964 году, а затем и её сын – Раджив, оказавшийся у власти после убийства его матери в 1984 году, пытались бороться с бюрократизмом. Но кардинальные изменения наступили все же, после того как в 1991 году Р. Ганди постигла та же участь, что и его родительницу. Безотлагательная необходимость сдвигов тогда диктовалась нефтяным кризисом, угрожавшим дефолтом, взлетом безработицы, распадом СССР и экономическим бумом соседа и конкурента – Китая.

С тех пор в Индии не раз менялись возглавляющие её политические силы. Тем не менее, преемственность экономического курса реформ сохранялась – поучительный урок для стран, где каждая новая власть первым делом стремится сломать созданное предыдущей и начать всё заново.

Как важно быть экономистом

Хозяйственный прорыв Индии связан с именем нынешнего её премьер-министра 79-летнего Манмохана Сингха. Впервые во главе правительства оказался доктор экономических наук, лауреат ряда престижных премий. Он родился в бедной семье, что не помешало получить хорошее образование, сначала в Индии, затем в Англии. В Кембриджском университете его учителями были блистательные ученые, придерживающиеся кейнсианских и марксистских взглядов: Джоан Робинсон, Николас Кандор, Ричард Кан, Морис Добб. Такая школа имела огромное значение. Много лет Сингх преподавал в университетах Пенджаба и Оксфорда, престижной Делийской школе экономики. В 1970-х гг. правительство Индиры Ганди привлекло его на государственную службу, где он поработал экономическим советником в министерствах внешней торговли и финансов, затем возглавил Резервный банк Индии, занимал должность заместителя председателя Комиссии по планированию, а позднее стал одним из главных советников Раджива Ганди по экономическим вопросам.

Сменивший последнего в 1991 году премьер-министр Нарасимха Рао пригласил Сингха в свое правительство в качестве министра финансов. Ученый чиновник поставил правильный диагноз экономическим недугам и убедил премьера в необходимости начать крутые перемены. В течение нескольких лет индийские власти открыли свой рынок для иностранного капитала, начали приватизацию убыточных предприятий, сняли тысячи бюрократических препон и существенно упростили налоговую систему. При этом они продолжали держать курс на смешанную экономику, оздоравливая государственный сектор. За 5 лет нахождения Сингха на посту министра финансов рост индийской экономики подскочил до 7%, а инфляция сократилась с 17 до 5%. Его стали величать “архитектором индийского экономического чуда”. Появился даже новый термин – “манмоханомика”.

В 1996 году партия ИНК проиграла парламентские выборы, и правительство Рао ушло в отставку. Тем не менее, вектор экономической политики не менялся. В 2004 г. победу одержал ИНК во главе с предводительницей знаменитой политической династии Соней Ганди (вдовой Раджива). Однако, сославшись на “внутренний голос”, она отказалась возглавить правительство и порекомендовала на пост премьера прославленного реформатора М. Сингха.

Ставший фактически первым лицом государства, он реализовал свою стратегию в полной мере. С тех пор ВВП Индии растет со скоростью 8–9% в год. В стране оперирует все больше транснациональных корпораций. Пышным цветом растет и национальный капитал. Но наряду с этим в отличие от того, что произошло в России, продолжает действовать и нерыночный макрорегулятор. Возглавляемая премьером Плановая комиссия определяет стратегические цели развития страны, реализуемые посредством пятилетних планов, носящих теперь преимущественно индикативный характер. В ней работают эксперты высшего класса, опирающиеся на разработки специализированных научных учреждений. В основе одиннадцатой “пятилетки” (2008–2012 гг.) лежат результаты работ и рекомендаций сети исследовательских организаций, существующих при каждом министерстве, а также Центральной статистической службы. Разрабатываются и программы развития на более длительную перспективу. Серьезной заявкой на новое место Индии в мировой экономике является план-прогноз “Индия – видение 2020”. Этот документ стал стержнем курса на индустриализацию и модернизацию страны. Предполагается, что рост промышленного производства в среднесрочной перспективе составит 10% в год. Но дело выражается не только в высоких темпах, но и изменениях самого облика индийской экономики.

Свой путь

Вот уже 20 лет как Индия безудержно наступает на автомобильном, текстильном, фармацевтическом, металлургическом и даже космическом рынках. А визитной карточкой её экономики стали компьютерные технологии. Каким же образом “слону” удалось вскочить в поезд модернизации?

В Индии не пошли по пути китайского “дракона” и азиатских “тигров”, начавших с экспорта товаров тех отраслей, которые нуждаются в дешевой

и сравнительно малоквалифицированной рабочей силе. Была найдена собственная ниша в виде экспорта услуг, требующих высокого уровня образования – компьютерного программирования и банковского обслуживания.

В глобальной экономике все больший вес обретает так называемый аутсорсинг – передача компанией некоторых бизнес-процессов и операций другой, специализирующейся в соответствующей области. В сфере же IT-технологий географическая отдаленность не играет особой роли. Но зато важно то, что стоимость этих работ в Индии, по крайней мере, в три раза дешевле, чем в старых центрах капитализма. Если Китай превратился в фабрику мира, то Индия стала бэк-офисом западных корпораций. “Боинг” и “Рейтер” были одними из первых, перенесших в Индию свои центры информационной поддержки и бухгалтерии. Ежегодные темпы роста программного обеспечения (ПО) в период до начала глобального кризиса достигали здесь почти 50%, а оборот отрасли доходил до 70 миллиардов долларов в год. Из 500 крупнейших американских корпораций около 200 пользуются индийскими программными услугами и центрами дистанционного обслуживания. Две трети ВВП Индии приходится на сферу услуг, включающую в себя не только традиционные области в торговле, но и современные отрасли, за которыми будущее мировой экономики. На страну приходится сейчас такая же доля мирового рынка офшорного IT-сервиса и половина рынка аутсорсинга бизнес-процессов.

Повороту событий помогло наличие хорошо образованных кадров, прошедших обучение в лучших американских или британских вузах. Да и в самой Индии технологические институты подчас не уступают западным. Социалистическая ориентация династии Неру обусловила солидные инвестиции в эту сферу. По численности квалифицированных научно-технических кадров Индия сегодня стоит на одном из первых мест в мире. Здесь есть товар, становящийся с каждым годом все ценнее – мозги, дефицит которых остро ощущается на бурно растущем мировом компьютерном рынке.

Нельзя не отдать дань разумной политике индийских властей, оценивших возможности своей страны в сфере IT. Они были объявлены приоритетным направлением раньше, чем в любой другой развивающейся стране. С начала 1990-х гг. систематическую поддержку отрасли оказывает государственное агентство по разработке ПО (Software Development Agency). Для этого не требовался масштабный импорт, при этом создавались столь необходимые стране с миллиардным населением рабочие места, параллельно повышался уровень образования, а ограниченный внутренний рынок для подобного продукта заставлял работать на экспорт. Успеху содействовала и **выборочная** либерализация внешней торговли. Импортные пошлины на ввоз компьютерного оборудования и ПО резко снизили, а зарубежным инвесторам предоставили льготы и государственные гарантии.

За последние 15 лет доля инвестиций в ВВП Индии поднялась с 24 до 35%. Дополнительным поводом для оптимизма служит и сравнительно небольшой коэффициент капиталоемкости – 4. С такими показателями вполне можно поддерживать высокие темпы роста. До 90-х годов удельный вес государственных инвестиций в общем объеме накопления составлял 40%. Теперь он заметно понизился, но не за счет их абсолютного уменьшения, а в результате скачкообразного повышения частных капиталовложений. Аналитики прогнозируют, что к середине XXI века экономика “слона” по объему ВВП сравняется с американской. Не беспочвенны и утверждения, что в будущем Индия по темпам роста обгонит Китай. Демократический строй и политическая стабильность привлекают сюда капиталы со всего мира. Рост внутреннего рынка обуславливает непрерывный потребительский бум. Индийцы не склонны к сбережениям, как китайцы. Они больше тратят, так как опасность оказаться безработным здесь не столь велика. Кроме того население Индии намного моложе, чем в Китае, где проводится политика ограничения рождаемости.

Бангалор и bangalored

Символом новой индийской экономики стал город Бангалор на юге страны. Именно здесь начался взлет информационных технологий. Среднегодовой доход на душу его 6-миллионного населения равен 7 тыс. долларов – больше чем в других мегаполисах. В Бангалоре обитает 10 тысяч долларовых

миллионеров. В его инфраструктуре сотни научно-исследовательских и образовательных учреждений, колледжей и университетов. Молодые программисты первые два года своей работы освобождаются от налогов.

Успехи бангалорских “айтишников” не похожи на истории компьютерных звезд Силиконовой долины Калифорнии. Там бизнес начинали гении-одиночки, вроде знаменитого Стивена Джобса, основавшего фирму Apple в родительском гараже. В Индии свои силы в IT первыми рискнули попробовать мощные промышленные гиганты. Концерн Тата, прежде торговавший текстилем, а ныне известный производитель автомобилей, был пионером среди получателей оффшорных заказов на Западе. Затем уже в отрасль пошли местные вундеркинды – молодые выпускники индийских вузов. Самый известный из них – Рам Кришна Балига, которого считают отцом-основателем местного технопарка “Электроник Сити” на юге Бангалора. Арендаторами и клиентами “электронного города” стали транснациональные корпорации “ЗМ”, “Хьюлетт-Пакард”, “Сименс”. Здесь же свили свои офисные гнезда ныне крупнейшие IT-компании Индии – “Инфосис” и “Випро”. Подобные кварталы разбросаны по всей агломерации, в них работают свыше сотни фирм. В Бангалоре производится до трети всей индийской экспортной софт-продукции, стоимость которой оценивается в десятки миллиардов долларов. Многие офисы работают ночью – по лондонскому или нью-йоркскому времени.

Теперь уже среди менеджеров и служащих США все чаще говорят об “индийской угрозе”. В их сленге появилось новое слово *bangalored*, которое обычно употребляют после увольнения. “*My job was bangalored*” – вздыхает очередной сокращенный программист или администратор баз данных, и все сочувственно ему кивают: его работу за скромное вознаграждение будет выполнять индиец из Бангалора.

В мировом IT-аутсорсинге компании Бангалора и других индийских городов, последовавших его примеру, прочно удерживают пальму первенства, опережая на порядок следующий в рейтинге Китай. Зарплаты программистов и других технических специалистов заметно растут. Спрос на них ведет к тому, что уже индийские компании ищут подрядчиков в тех странах (например, в Румынии), где еще остались нетрудоустроенные и недорогостоящие таланты. А некоторые индийские IT-гиганты привлекают к сотрудничеству и американских менеджеров и инженеров. Названия этих и многих других корпораций с пропиской в Южной Азии все чаще мелькают на гребне поднимающейся волны нового технологического уклада.

Миллиардеры и трущобы

Формула – “богатые богатеют, бедные беднеют” – не отражает тенденцию развития индийского общества. Миллионеров и миллиардеров становится больше, но нищета постепенно отступает. При этом средний класс разрастается, а число зажиточных людей из года в год прибавляется. Это расширяет внутренний потребительский рынок и становится социальным стабилизатором.

Если в одной только Москве проживает 79 российских миллиардеров, то во всей Индии, население которой превосходит наше в 8 раз, их насчитывается 55 человек. И они не похожи на отечественных олигархов. Среди них нет приватизаторов бывшей общенародной собственности. Накопление индийских капиталов, так или иначе, связано с модернизацией страны.

Индийским миллиардером № 1 является уроженец Калькутты 60-летний Лакшми Миттал. Продолжив металлургическое дело своего отца, он впервые использовал так называемое восстановленное железо в качестве исходного продукта, что оказалось рациональнее. Сегодня концерн “Арселор-Миттал” – крупнейшее в мире сталелитейное предприятие, ведущее деятельность в 14 странах. Личное состояние Миттала перевалило за 30 миллиардов долларов, что делает его шестым богачом на Земле.

Ненамного отстает от него родившийся в Бомбее шестью годами позже Мукеш Амбани, возглавляющий самую крупную в Индии нефтехимическую корпорацию “Рилайянс индастриз”, основанную его отцом. В семейный бизнес Амбани внес свою инновационную лепту: ему принадлежала идея обратной интеграции от текстиля к полиэфирным волокнам, а затем – к нефтехимическим продуктам.

На другом социальном полюсе Индии находятся около 300 миллионов людей, живущих меньше чем на доллар в день – четверть всего количества бедняков в мире. Примерно столько же безграмотных в стране, которая пока еще не имеет возможностей заметно облегчить участь тех, кто пребывает “на дне”. Но, тем не менее, за последние 20 лет около трети населения Индии поднялись выше указанной черты беспросветной бедности – до пяти долларов в день. Еще 300 миллионов человек последуют за ними в ближайшие два десятилетия, если экономика будет продолжать расти не менее чем на 7% в год. Правда, быстрое увеличение численности населения означает, что появятся и новые миллионы тех, кто пребывает за гранью прожиточного минимума. Но общее количество обитателей трущоб непрестанно уменьшается.

Белые воротнички

Поляризация индийского общества смягчается ростом среднего класса. Его прежнюю основу составляли мелкие лавочники, ремесленники, представители малого бизнеса и мелкой промышленности. Теперь в их рядах преобладают “белые воротнички” – сотрудники и служащие разрастающихся новых офисов и предприятий. Сюда же вливаются дополнительные контингенты людей творческого труда, работники науки и образования.

О количественном составе среднего класса нет единых суждений. По мнению ряда экспертов, такое определение в Индии применимо к тем, кто зарабатывает от 4 до 21 тыс. долларов в год. В этом случае к нему относится 70 миллионов человек. Другие пользуются критерием, основанным на потреблении, – кто может позволить трехразовое питание, имеет доступ к элементарному медицинскому обслуживанию, среднему образованию, обладает жильем, чей доход дает возможность приобрести такие товары, как моторизованное транспортное средство, цветной телевизор и т. д. Под таким углом зрения в данную категорию подпадает 300 миллионов человек – 25% населения Индии. Но и те и другие аналитики сходятся в том, что средний класс набирает всё больший удельный вес в обществе. Прогнозируют, что к 2025 году он может вырасти почти до 600 миллионов человек. Такая динамика вызывает потребительский бум, о котором в других странах только мечтают. Если в Китае доля частного потребления в ВВП составляет лишь 40%, в России – около половины, то индийский ВВП на 61% сформирован за счет него – картина схожая с США.

Урок для отстающих

Суть индийских перемен, приведших к ускоренному темпу роста, состоит не в преобразовании социализма в капитализм, а в совершенствовании смешанной, или конвергентной, экономики. Мировой опыт показывает, что не всякое конвергентное общество эффективно, но всякое эффективное общество конвергентно. Проведенные реформы не только благоприятствовали развитию национального капитала и привлечению инвестиций из-за рубежа, но и оздоровили государственное регулирование. Успехи Индии, страны без нефтегазовых подпорок и неизмеримо беднее нашей, вызваны грамотной комбинацией лучших сторон плановой и рыночной экономик, нахождением и поддержанием нужного баланса между ними. Как говорил великий американский экономист российского происхождения Василий Леонтьев: “Без частной заинтересованности нельзя достичь высокой производительности, без некоторой меры мягкого планирования цивилизованное общество существовать не может”. Не “шоковая терапия”, келейная приватизация и “плюханье” в рынок, а постепенные, последовательные и научно обоснованные реформаторские действия – вот главные секреты “индийского чуда”.

Мировой кризис не миновал Индию. Тем не менее, даже наиболее тяжелый 2009 год индийская экономика завершила с плюсом в 6%. А мы ушли в минус на 8%. Наш посткризисный “отскок” в 2010 году составил лишь 4%, а в Индии – 8,5%. И в 2011 году темпы роста индийской экономики превышали российские в два раза.

Принципиальные отличия вызваны разными моделями общественно-экономического развития. Казалось бы, о чем как не об этом следует в первую очередь задуматься, рассуждая о коррективах нашего стратегического курса? Однако этого не происходит. Не принимаются во внимание примеры лидеров роста мировой экономики, Индии, в частности. Конечно, сравнение не в пользу тех, кто стоял и стоит у руля экономической политики России. Эту тему стараются обходить, говоря о чем угодно, только не о самом главном. Но не уподобляются ли в таком случае они герою известной басни Крылова, заявившему в конце: “Слона-то я и не приметил”?